

The background of the cover is a detailed illustration of a man and a woman in medieval-style armor. The man, on the left, has brown hair and a light beard, looking off to the side. He wears dark, layered armor with a blue patterned collar. The woman, on the right, has long, flowing blue hair and bright blue eyes, looking directly at the viewer. She wears a blue and silver armor with ornate gold-colored patterns. The background is a blurred, warm-toned setting, possibly a castle interior.

Алиса Калинина

Вне
ЗАКОНА

Бастард и попаданка

Алиса Калинина

Вне закона. Бастард и попаданка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69266263

SelfPub; 2023

Аннотация

Я тихоня, которую бросил любимый. Что я сделала? Сняла скальп с соперницы? Перебила посуду? Нет! Всего лишь пожелала начать новую жизнь. Вселенная одобрила. И теперь я совершенно одна в чужом мире, без документов и крыши над головой. Меня ищут стражники, преследуют злодеи. Но как только появляется рыцарь-спаситель, оказываюсь в еще большей ... передрыге. Чтобы выжить, мне нужно стать другой и не впускать в свое сердце любовь... Но получится ли устоять ?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	32
Глава 5	40
Глава 6	48
Глава 7	55
Глава 8	61
Глава 9	69
Глава 10	79
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Алиса Калинина

Вне закона. Бастард и попаданка

Глава1

– Эй, блудница! – услышала я громкий окрик. Ничего себе. Кто-то еще такие слова знает! Наверно, какой-то юродивый или спятивший профессор лингвистики. Интересно стало, кто же, по его мнению, заслужил это звание. Я стояла на мосту, но передо мной, да и дальше, никого не было. От греха я решила уйти отсюда поближе к людям. Но за спиной раздались тяжелые шаги, причем очень близко.

– Ты глухая? Стоять, я сказал! – рявкнул неизвестный. Божечки! Люди! Ау! Где вы?

Я припустилась бегом, но незнакомец нагнал в два счета и схватил за руку. В панике я обернулась и нервно расхохоталась.

Меня удерживал какой-то викинг – не викинг, рыцарь- не рыцарь, короче кто-то из любителей исторических реставраций. Надо же, я всегда мечтала если не поучаствовать, то хоть со стороны посмотреть на такое действо. Хоть в имитации прикоснуться к той будоражащей воображение эпохе,

в которой ради любимой совершались подвиги. Почувствовать дух благородного рыцарства и простой жизни, полной бытовых трудностей, но заставляющей радоваться каждому дню. Полюбоваться старинной архитектурой.

Конечно, мне было бы лестно услышать в свой адрес «сударыня» или «леди». Блудница совсем мимо – у меня в жизни только один-единственный мужчина, и менять что-то я не собираюсь. Но зато это обращение намекало на мою привлекательность. Кто ж соберется блудить без соответствующих внешних данных! Как бы то ни было, я решила поучаствовать в этом реалити-шоу.

– Сударь, пустите! Уверю вас, я добропорядочная дама, и слышать подобное обращение оскорбительно!

Мужик вжился в роль качественно. На его лице не дрогнул ни один мускул.

Подоспевший к задержанию напарник сохранял такое же непроницаемое выражение лица. Он молча вытащил из котомки моток веревки и связал мои руки спереди, оставив довольно длинный хвост. И за него меня и потащили, как упирающегося пса на поводке. Было довольно больно. Хотя если б меня перевязали символической ленточкой, эмоций я бы не испытала.

А сейчас я чувствовала себя настоящей пленницей, которую должен спасти рыцарь на белом коне. Вот-вот он прыскачет, надаёт тумаков моим конвоирам, посадит меня перед собой, и мы умчимся.

Но наверно, тогда я не прочувствую атмосферы...И я решила еще немного поиграть.

– Простите сударь! Но с чего вы взяли, что я блудница? Вы глубоко ошибаетесь!

– А кто, кроме блудниц, может расхаживать средь бела дня с непокрытой головой, в неприличной сорочке и показывать свои ноги в диковинных панталонах?! – отозвался один из блюстителей нравственности.

Я подавила улыбку. Молодец! Вот частенько, когда нужно подобрать к чему-то необычное определение, нападает ступор. А тут сходу! Прямо в духе средневековья. Неприличная сорочка – это просторная футболка под горло. Ни тебе соблазнительного облегания, ни голых плеч. Да и длина ниже попы, чтоб не привлекать лишнего внимания к объему филейной части. И светлые джинсы назвать панталонами – надо постараться.

Зато ответ исчерпывающий. Никакие уверения в моей нравственной чистоте не прокатят против железных улик. Я блудница!

– И куда вы меня ведете? – заинтересованно спросила я.

– Туда, где тебе и место! – отрезал конвоир, и меня наконец осенило. Я не могла понять, почему не помню, чтобы я собиралась на эту реставрацию.

А, чтоб тебя! У меня же сегодня день рождения! Наверно, Вадим заказал такой квест, чтоб избавить меня от зажатости.

Мы прожили два года, а я до сих пор боюсь его разочаровать, и от этого стесняюсь.

Зато теперь, когда у меня эмоции зашкаливают, я готова к этим ролевым играм.

Вот сейчас меня доведут до кабинета Главного поборника нравственности, втолкнут туда и я окажусь перед Вадимом. Связанная, с потупленными глазами – делай со мной, что хочешь!

Краска прилила к щекам, потому что мне стало стыдно за свои «блуднические » мысли. Но то, что мой любимый мужчина так постарался для меня, было безумно приятно.

Правда, довольно скоро я устала бежать, спотыкаясь, за своими стражами. Ну сколько можно?! И эта правдоподобность уже будила раздражение. Где они нашли такие локации? Неужели «Мосфильм»? Я читала в интернете, что один бизнесмен отстроил настоящий средневековый замок, по настоящим чертежам и даже с отдельно состаренными фрагментами. Где-то в Самарской области. Может, к нему пристроили картонный лабиринт, и на самом деле мы бегаем по кругу?

Но дома и узкие улочки, по которым меня тащили, совсем не выглядели бутафорскими. Тут целый город! Настоящий!

Навстречу стали попадаться люди, которые испуганно сторонились нас. А до моих ушей долетало то, что я уже слышала – «блудница».

Теперь я увидела, как должна выглядеть добропорядочная

женщина в рамках этого квеста. Платье до пят с длинными рукавами, у многих передники, на голове чепчик.

Масштаб, конечно, поражал. И натуральность. Вот готова поклясться чем угодно, что булыжники, из которых вымощена мостовая, — самые что ни на есть натуральные. И поэтому я прикладывала все усилия, чтоб не споткнуться и не упасть. Ибо уверена — будет больно.

Наконец, конвоиры замедлили шаг, очевидно, тоже притомившись от такого- марш-броска. Мы оказались на площади. Я восхищенно крутила головой. Слева огромный замок, и судя по флажку, развевающемуся на одном из шпилей, замок правительственный. Слева что-то похожее на крепость. Такое же мрачное и мощное.

А между ними начиналась широкая улица. Очевидно, торговая. Я могла рассмотреть некоторые вывески и услышать бодрые голоса зазывал. Классно! Там наверно, много интересных сувенирчиков можно будет найти.

Потом. А сейчас во дворец и конец испытаниям. Надеюсь. А то я реально подустала. Но меня повели не во дворец, а в крепость, которая по факту оказалась тюрьмой. До омерзения похожей на настоящую. Мы шли по извилистым коридорам, в которых, казалось и стены пропитаны болью и страхом. Темные, сырые.

Значит, в программе заложено освобождение заключенных?! Ладно. Но на всякий случай я запоминала расположение. Вдруг здесь нужно самой выбираться, чтоб получить

приз. Ведь правила мне так никто и не озвучил.

И что-то мне начало подсказывать, что правил здесь и нет.

Меня втолкнули в настоящую клетку. Причем довольно грубо. Так, что я не удержалась и упала на колени. Спасибо, на солому. Поэтому было не больно, а просто обидно.

Почувствовала, почувствовала я уже весь колорит! Но люди получают деньги за выполнение своей работы, поэтому жаловаться, думаю, нецелесообразно. И не успела я опомниться, как конец веревки, за который меня вели, перекинули черед балку и наглухо завязали там. И я оказалась в таком положении, что опустить свои измученные конечности вниз могла лишь в том случае, если бы встала. А так получалось, что я могу только стоять на коленях с поднятыми руками. А они у меня уже, между прочим, затекли. Я не выдержала и, нарушая сценарий, потребовала:

– Развяжите мне руки! Они скоро посинеют. Хватит уже! Вы хоть технику безопасности изучали? Или в вашем квесте о такой мелочи не подумали. Иначе я такой отзыв напишу, что к вам вообще никто не пойдет!

Однако вместо того, чтоб освободить меня, они переглянулись озадаченно.

– Она бесноватая! Тут прокурором не обойтись! – стражники развернулись ко мне спиной, собираясь уходить, а мной овладел настоящий, резонирующий с этим местом, липкий страх.

– Э, вы куда?! Вы что, не слышали?! Отпустите меня! –

наплевав на воспитание, чуть ли не в истерике, заорала я. Но ответом послужил оглушительный лязг засова.

Дебилы! Выругалась я и с трудом встала. Поднявшись на носочки, я заглянула в маленькое оконце. Картина, открывшаяся взору, радовала еще меньше, чем вид тюремных коридоров и этой клетки.

Там была виселица. Настоящая. И человек, которого подвели к ней под барабанную дробь.

Фу! Ну это вообще перебор. Видела в детективе каком-то, как имитируют повешенье. Цепляют на пояс обвязку и к ней крюк с веревкой, закрепленный наверху. А петля на шее только для вида. Выглядит ужасно.

Может, это такая фотосессия для извращенцев? А, вспомнила! Есть метод лечения страха смерти – танатотерапия. Человек символически умирает и вроде бы потом начинает по-другому относиться к жизни. Ну там еще наверняка какие-то танцы с бубнами предусмотрены. Но смотреть на такое я не хочу.

Кажется, мне нужно самой выпутываться. Я вцепилась зубами в узел, связывающий запястья. Но ничего не получилось – гады знали свое дело. Подергала за веревку, надеясь, что она вверху плохо закрепилась. Опять не вышло. Не знаю, сколько я так промучалась, но когда снова заглянула в окно, я чуть не потеряла сознание от страха.

Виселица была на месте. И на ней все тот же повешенный. Причем не бутафорски! Его лицо посинело, язык вывалился,

а никаких примеров здесь не было и близко.

Я завизжала так, что у самой чуть уши не заложило. Забившись в угол, я поняла, что попала в очень скверную ситуацию. Очень похоже было на то, что меня забросили к каким-то чокнутым реставраторам, которые потеряли границы игры. А их этот городок находится вдалеке от человеческой цивилизации, и к ним никто не заглядывает. Существуют же до сих пор целые деревни старообрядцев, которые не признают технического прогресса и живут по старинке. И по своим законам. В общем, они творят, что хотят. Или еще, как в детективах описывают – богатеи, которым жить скучно, создают игру, и вместо персонажей используют живых людей. В том антураже, который им нравится. Вот какой-то изверг придумал этот городок. И сам сидит во дворце и следит по камерам, кто что делает и кого за что казнить.

Тут же мое развитое воображение подкинуло картину, от которой кровь в жилах застыла. Вместо виселицы – столб, а вокруг него кучи сухого хвороста. И я возле этого столба. Вот так вот привязанная, не имеющая возможности убежать.

От жалости к себе слезы полились ручьем, а я даже вытереть их не могла. Сердце сжималось от страха, но так бесславно помирать я вообще не хотела. Во что бы то ни стало, я должна выбраться отсюда. Украсть лошадь, и плевать, что я никогда не сидела в седле. Как-нибудь удержусь! Главное, убраться подальше от этого театра абсурда.

Как в обратной перемотке, я начала вспоминать, что ви-

дела. Это не затерянный экзотический остров, потому что пейзаж вполне европейский. С моста я видела какой-то лесок, меня вели по обычной проселочной дороге. И где-то должен быть шлагбаум, отделяющий этот киношный городок от остального мира.

Меня даже не пугала перспектива заблудиться в лесу. Ничего, не тайга. Выберусь!

Чтобы убедиться, что от злости на конвоиров мне не примерещилось ужасное, я выглянула в окно снова.

Нет, с ума я не сошла. Бедолага был на месте, его палачи разошлись, а вокруг уже начали кружить безжалостные вороны.

Значит, это совсем не романтический подарок ко дню рождения. А чей-то коварный план по уничтожению меня. Наверно, загипнотизировали, поставили на мост, а потом уже начался квест на выживание.

Глава 2

Кричать и просить о помощи, как я уже убедилась, бесполезно. Преодолеваю боль в затекших запястьях, я повисла на веревке, надеясь, что она оборвется. Но гады знали свое дело. Очевидно, все отлажено.

Я покрутилась вокруг себя – вдруг так петля соскользнет с крюка. Результат тот же.

Отчаяние уже набросило на меня мертвящий саван, как вдруг я осознала, что в кармане что-то выпирает. Бинго! Я нащупала зажигалку. Как она там оказалась, я долго не раздумывала – должны ж были сволочи, забросившие меня сюда, какой-то шанс дать! Хотя зажигалка показалась мне знакомой...

Нет, не над этим сейчас нужно думать! Если поджечь веревку выше рук, пламя пойдет вверх, загорится перекладина и рухнет мне на голову. Или на солому, и тогда мне точно не спастись. Не надо будет и костра святой инквизиции, чтоб сделать из меня цыпленка табака.

Если изловчиться и направить зажигалку на узел, пострадают руки. Но другого выхода я не видела. Лисы вон, попав в капкан, отгрызают себе лапу, чтоб только спастись. А с ожогами мы разберемся.

Онемевшими пальцами несколько раз я безуспешно пыталась высечь пламя. От страха и волнения меня трясло так,

что я боялась выронить средство спасения. Тогда мне точно конец — ведь я никак не смогу поднять ее с пола.

Наконец вспыхнул огонь и лизнул веревку. Я приготовилась к ослепляющей боли, но веревка тлела, искрясь, пока только точно между моими запястьями. Пожалуйста, пожалуйста!

Но чуда не произошло. Вернее, произошло, но не полностью. Узел ослабел, так что я могла уже расшевелить его, но пламя коснулось и моей кожи. Превозмогая боль, я вытащила одну кисть из обжигающего капкана и потом другую. Отшвырнув тлеющий кусок подальше в угол, я принялась дуть на обожженные места. И тут только сообразила, что огонь все равно пойдет по веревке вверх и неизбежно искры будут сыпаться вниз на солому. И она непременно вспыхнет! И если я не открою чертову задвижку, то опять буду цыпленок табака.

И отступать некуда. Я кинулась к двери, умоляя все силы небесные помочь. Или они меня услышали, или отчаяние удесятирило мои силы, но задвижка поддалась, и я выскользнула в коридор. Как выбраться из самой крепости, я еще не знала, но меня гнал звериный инстинкт самосохранения. Надеюсь, что он знает, что делает.

Я двигалась осторожно, как индеец. Хотя если у них есть камеры, то за мной уже с усмешкой наблюдает какой-нибудь жирный кот, загнавший несчастную мышку в ловушку. А если нет, то уже хорошо.

Попетляв по коридорам, я наткнулась на какую-то каптерку, или как оно там называется. Несколько стражников, очевидно, приняв порцию горячительного, азартно рубились в карты. Им было явно не до пожара, который вот-вот начнется в дальнем коридоре. И сообщать об этом я им точно не буду. Чем дольше они не хватятся меня, тем лучше.

Я уже собралась шмыгнуть дальше, но паническая мысль меня остановила. В таком виде я гарантированно минут через десять снова окажусь здесь же. Только, боюсь, еще и в кандалах. А я, как любимые героини-сыщики, не умею открывать наручники булавкой...

Страх заплескался внутри, грозя затопить и сознание. «Кыш, пошел!» – пытаюсь прогнать его и теперь уже удерживаю себя от истерического смеха. Но я же не трусиха! Или трусиха?!

Все, что произошло сегодня, вообще не укладывается ни в какие рамки, поэтому я совсем не уверена, что мне не отшибло память напрочь. Ведь я, кажется, не помню, как меня зовут...

Но все это мелочи по сравнению с той задницей, в которую я попала. Спасибо, мозг, получив сверхзадачу, начал лихорадочно соображать.

В углу каптерки стоял какой-то ларь, куда эти непуганые стражи порядка скинули свои плащи. И мне жизненно необходимо добыть один из них. Ведь стоит накинуть этот бала-

хон с капюшоном, и хотя бы издалека не буду похожа на чужачку.

Надеясь, что карты занимают все внимание этих достопочитимых джентльменов, а из —за широких спин меня не видно тем, кто сидит лицом к этому ларю, я опустила на четвереньки и голодной гусеницей поползла к цели.

Сердце замирало от страха, зубы приходилось стискивать, чтоб они не стучали, но другого выхода я не видела. Вот как только потянет дымом, они по идее, должны ринуться туда, и плаща никто не хватится, а я тем временем буду пробиваться к свободе.

Благополучно добыв накидку, я так же осторожно вынырнула из каптерки. Накинув на плечи маскировку, двинулась к выходу. Великая Слава строителям этого каземата! В коридорах изредка попадались ниши, наверно для того, чтоб слишком тучные люди могли избежать столкновения телесами. И я туда ныряла при подозрительных звуках.

Кажется, началось! За спиной слышались взволнованные выкрики, значит, у меня остались считанные минуты, чтоб выбраться.

И тут моя свобода чуть не накрылась медной посудинкой. Когда меня затаскивали в эту тюрьму, я обратила внимание, что вход никто не охранял. Тогда меня это не удивило. Я ж думала, что это все игрушки, и никто просто не захотел исполнять роль безмолвного дерева на входе. И жарко, и скучно.

А сейчас там стоял часовой. И его вряд ли мой плащ убедит, что я его коллега. Нужны более весомые доводы, роль которых в цивилизованном виде выполняют банкноты.

Но их у меня, кажется нет. На всякий случай машинально пошлепала себя по карманам и ожидаемо привлекла внимание стражника. Ждать хорошего от его набыченного взгляда не приходилось, поэтому я подчинилась интуиции. Она потребовала достать зажигалку и высечь пламя перед носом охранника.

Не знаю, мечтала ли я в детстве о волшебной палочке и умении варить зелье, но сейчас образ ведьмы четко вырисовался в голове.

Я вытаращила глаза и утробным голосом приказала: «Стой здесь и забудь, что меня видел! Иначе сгоришь живо!»

Сделав пасс рукой с зажженной зажигалкой вокруг лица остолбеневшего караульного, я, не оглядываясь, спокойно шагнула за дверь и направилась к торговой улице.

Ну как спокойно... Кровь набатом стучала в висках, сердце перепуганным зайцем рвалось из груди, но здравый смысл подсказывал, что ни в коем случае нельзя привлекать к себе внимание. Ни медленным шагом, ни быстрым.

Словно издеваясь, память, которой я не особо доверяла сейчас, подкинула мне в голову девиз Карлсона: «Спокойствие! Только спокойствие!»

Ладно, позже я с ней разберусь. А пока надо думать, что

делать дальше. Вариантов масса. Как я уже планировала – украсть лошадь и вырваться из этого дурдома. Второе – забиться в какую-нибудь нору и переждать, пока все не утихнет. Третье – украсть с какой-нибудь бельевой веревки платье и чепчик, добыть корзинку и с беспечным видом собирательницы грибов опять –таки покинуть этот недружелюбный городок.

Нет, можно, конечно, вломиться во дворец и потребовать от этого чертового организатора выпустить меня по-хорошему, но что-то подсказывало – это самый неудачный вариант. Ведь в таком случае от меня уже ничего зависеть не будет.

Хотя... украденный плащ, кажется, неплохо справлялся с ролью шапки-невидимки. На меня никто не обращал внимания, никто не обзывал блудницей, что давало надежду. Правда, голову я старалась не поднимать, постоянно делая вид, что рассматриваю лотки с товарами. Толкучка была мне на руку, и я беспрепятственно дошла до конца улицы и уперлась в какую-то стену. К счастью, это был не тупик, так как влево и вправо были ответвления. И не успела я обрадоваться, как с ужасом поняла, что это тюрьма, ее, так сказать, тыльная часть. Очевидно, торговая улица делала круг, и, если пойти вправо, попадешь на площадь и прямо в лапы тюремщикам. От панического страха пересохло горло. Назад идти тоже нельзя, потому что опять выйду туда же.

Значит, по-любому, нужно сломя голову нестись влево. Хотя вдруг эта улица тоже предатель? И сделав круг, выведет

на площадь, только с другой стороны. Вот сейчас реально пригодился бы квадрокоптер...

Глянуть бы сверху, куда бежать и что тут вообще есть в этом чертовом лабиринте. Ну или метлу...

Но чего нет, того нет. Поэтому «ноги мои ноги» и вперед. Напоследок я бросила взгляд на тюрьму и позлорадствовала. Сквозь крышу выбивалось пламя. Наверно, горела та балка, к которой эти идиоты меня привязали.

Я припустила по улице. Благо она была практически безлюдной. Но этот плюс перекрывался большим минусом. Она раздвоилась, и я окончательно запуталась. Решила пойти туда, где виднелся просвет в тоннеле из каменных домов, стоявших впритык друг другу. И я подозреваю, что боковые стены у них у всех были общие. Такой себе таунхаус.

Дальше начинались лачуги и еще какие-то странные постройки. То ли недострой, то ли уже развалины. Мне подумалось, что там я могу хотя бы просто посидеть в укромном месте. Просто перевести дух. Потому что усталость уже придавливала меня своей тяжелой лапой.

Глава 3

По заросшей тропинке я добрела до убежища и села прямо на землю, прислонившись к стене. Я не думала, что тут могут быть какие-нибудь твари типа крыс или змей, что кирпич может упасть на голову. Просто закрыла глаза и на несколько мгновений провалилась в сон.

Подсознание, наверно, для того, чтоб как-то подбодрить меня, подарило чудесное видение. Рядом со мной был настоящий принц крови. Во всяком случае, именно так я себе представляла героя своих мечтаний в юности. Высокий, широкоплечий, с непослушными черными волосами, по-пиратски завязанными в хвостик. Его лицо, будто высеченное из камня было суровым, лоб прорезала глубокая, не по годам складка. Ровный нос с раздувающимися крыльями. Губы, сжатые в жесткую полосу. И руки. Сильные, мускулистые, которые легко меня поднимают, несмотря на мой щенячий жирок.

Он непримирим к врагам, не рассыпается в любезностях, но я знаю, что в груди у него бьется благородное и горячее сердце. И я готова все отдать, чтоб его завоевать... Мне было так хорошо, что я, наверно, заулыбалась от переполнявшего счастья быть с ним. И это сыграло злую шутку со мной.

Из блаженного состояния меня стремительно выдернул хриплый, какой-то прокуренный мужской голос.

– Ого! Вот это подарочек привалил! Какая сладенькая!

Я мгновенно открыла глаза и, если б не стена за спиной, попятилась бы. Передо мной стоял яркий представитель общественных низов. Если говорить обтекаемо.

Грязная холщовая рубаха, такие же штаны, сильно истрепанные по низу. На поясе – замызганный кошель, на плече – котомка.

В довершение образа – немытое лицо с редкой рыжей бороденкой и засаленные волосы, паклей свисавшие до плеч.

Все ничего, и в такую роль вживаются, но отсутствующие два передних зуба не могли быть хитростью гримеров. Страшные пеньки на их месте наводили ужас.

И он, наверно, отразился на моем лице.

– Да ты не бойся! Я ласковый! Не обижу! – осклабился он и наклонился, чтоб лучше меня рассмотреть или приняться. – Ты разбудила огонь моих чресел!

Тошнота подступила к горлу, на глазах выступили слезы, и я начала задыхаться, сдерживая рвотный позыв. Потом вдруг вспомнила, что читала про способ усмирить естественный рефлекс. Нужно зажать большой палец левой руки в кулаке, расположив его под основания пальцев и хорошенько сжать. Что я и сделала.

Теперь нужно охладить любовный пыл этого товарища.

– Любезный, прошу прощения, но по определенным причинам меня не интересуют ваши человеческие качества. Будьте так добры, отойдите от меня подальше! Вы нарушае-

те мои личностные границы!

– Чего?! – на немой физиономии отразилось неподдельное недоумение.

Тысяча тухлых моллюсков, как говорят пираты. Я готова поклясться, что он не прикидывался, не играл, а реально с ним никто не разговаривал такими длинными предложениями. Он был настоящим!

В голове, словно обезумевшие белки, метались мысли. За уши притянутое объяснение происходящему рушилось, как карточный домик. Но может, все-таки и бомжей нанимают для колорита?

Я выдохнула и попыталась успокоиться. Сейчас я узнаю от него все.

– Голубчик, а кто заведует статистами? Я бы тоже хотела оформиться. Так получилось, что нужны деньги, – я развела руками и нацепила извиняющуюся улыбку.

– Какие тас-тисты? – настороженно спросил он.

– Ну это же киношный городок, правильно? – гнула я свою линию.

– Ты чужеземка или бесноватая? – он опасливо понизил голос, а я облегченно вздохнула. Кажется, от одной проблемы избавилась. Бесноватую точно не станет трогать. А вот вопрос – что за фигня творится вокруг меня – оставался открытым. И выяснить это я могла только при помощи этого «господина» с низкой социальной ответственностью.

– Понимаете, уважаемый, я здесь проездом. Мы ехали к

тетушке, остановились на рыночной площади, местных сувениров купить, – начала я.

– У нас никаких сувениров нет! У нас порядочный город! – Гордо задрал нос, отчеканил он.

– Ну хорошо! Нет так нет! – поспешила я успокоить собеседника. – Я потерялась, и вообще не представляю, где мы есть, в каком городе.

Подарив самую просительную улыбку, я с замиранием сердца ждала ответа. Пусть он скажет, что это Ленинградская область, например. Но здравый смысл, с которым я пыталась спорить, покрутил пальцем у виска. Ну да. Логично. Не может человек, живущий или работающий в Ленинградской области, сувенир считать чем-то вроде контрабанды. Вывод. Он сумасшедший. Или я. Или мы оба, каждый по – своему.

Божечки! «И тебя вылечим... И меня вылечим...» Передряги сегодняшнего дня сожрали с потрохами все мое самообладание. Глаза противно защипало, и я готова была заплакать.

Увидев такое дело, нищий забеспокоился.

– Эй, ну ты чего! Перестань. Что-нибудь придумаем! Тебя как зовут? Я Пипин Щербатый.

– А я ...

Слезы высохли, будто их сдуло порывом ледяного ветра. Сейчас я совершенно точно поняла, что не знаю, как меня зовут. Или же прочно забыла.

– А я ударилась головой и теперь ничего не помню, – нашла приемлемое объяснение. А может и правда? Но если и ударилась, то на вопрос – что это за чертово место – все равно не дает ответа.

– Ну тогда понятно. А помнишь, куда ехали? Где твоя тетка живет? Как ее зовут? – было похоже, что бродяга с именем, которое носил и король франков в каком-то веке, решил проявить ко мне участие.

Я отрицательно покачала головой.

– Не помню. Говорю ж, все забыла.

– А почему на тебе плащ стражника? Если ты знатная дама, то тебя сейчас все служивые ищут, потому что родственники обратились, наверно, уже в мэрию. А если не знатная, то почему без чепчика? – Пипин интересно рассуждал. С логикой сумасшедших. Или у них, действительно, чепчик как опознавательный знак простолюдинки?

Ага, а еще, почему ты так странно одета. Чтоб бедный мозг моего собеседника не закипел, я плотнее запахнула плащ. И прибегла снова к приему – все забыла.

– Пипин, ты очень добрый и хороший, – полила бальзамом его душу. – Я сама не знаю, как все случилось.

– Ну тогда сама иди в мэрию и жди там своих родственников. Провести тебя не могу. Там не жалуют нашего брата.

– А почему? – я захлопала глазками в надежде узнать хоть еще что-нибудь об этом странном месте.

– А потому что налоги мы не платим, с общественных работ сбегает и можем тиснуть что-нибудь в толчее, – Пипин самодовольно почесал пятерней бороду и смачно сплюнул.

– И много налогов тут платят? – спрашиваю лишь для поддержания разговора, так как продолжаю лихорадочно соображать, на какую помощь могу рассчитывать.

– Да половину дохода! И всем плевать, сколько у тебя едоков. Крестьяне – половину урожая, торговцы – половину выручки. Сборщики налогов за всеми следят, всему учет ведут.

А мне чуть не стало плохо. Если есть крестьяне, значит есть поля, и этот дурдом не ограничивается территорией города. И если следят даже за крестьянами, то шансы быть пойманной и в отдалении от города велики. Но не сидеть же здесь и ждать, пока настоящие родные меня найдут с полицией здесь!

А есть ли у меня родные? Божечки, как же страшно не знать кто ты и где ты! Но надеюсь, вопрос «кто ты» прояснится, а вот из «где ты» надо бежать. Подальше.

– Вот и детей не заводят много. С женами не спят, чтоб те не понесли, а бегают к блудницам.

Тогда получается, что эти самые блудницы препятствуют демографическому росту. Не появляются новые налогоплательщики, соответственно, самоотверженный труд блудниц не выгоден правительству. Тогда хотя бы становится понятно, почему меня сразу в клетку и на веревку.

Мозг, кажется, уже закипал в поисках решения – как от-

сюда выбраться? И когда уже отчаялся, пришла безумная идея. Но поскольку она была единственной, выбирать не приходилось.

– Послушай. А ты мог бы сделать кое-что для меня? Я здесь больше никого не знаю. И ты единственный мужчина, который мне может помочь, – я сделала руками «сломанные птичьи лапки» и доверчиво заглянула ему в глаза.

А он заметил мои обожженные кисти.

– Что это? – с опаской спросил он. Хотя, думаю, и лишай ему не страшен. Но рассказывать о своих приключениях я не стала. И опять пришлось соврать.

– Не помню. Но очень болит.

И это я заметила только что. Когда петляла по улицам, убегая из тюрьмы, сидела здесь в изнеможении, я не чувствовала боли. Наверно, адреналин, который бушевал в крови, работал как анестетик.

– Обожгла чем-то, – констатировал он. – Подожди. Сейчас все сделаю.

Он взял несколько древесных угольков от давно остывшего костра, положил их на большой валун и другим камнем растолок в порошок. Достав из котомки баклагу, налил сверху немного воды, чтоб получилась каша.

– Вот. Готово, – гордо произнес Пипин и, зачерпнув горстью «снадобье», нанес мне на руки. Причем, сделал это так быстро, что я не успела и ни отшатнуться, ни как-то по-другому среагировать. Но ужасающего вида лекарство, как ни

странно, сняло жжение. Я удивленно посмотрела на доморощенного лекаря.

– Пипин, ты настоящий рыцарь. Ты спас меня!

Польщенный обращениями «единственный мужчина» и «рыцарь», он заулыбался. Очевидно, и вид беззащитной, нуждающейся в помощи девицы не мог не зацепить самые тонкие струны, которые все равно есть в душе самого черствого и расчетливого представителя сильного пола.

И он решил быть последовательным. Помогать так помогать!

– Говори, что нужно, – он примерил на себя белый рыцарский плащ, чтоб выручить несчастную потеряшку.

– Тисни где-нибудь платье на меня и чепчик? А? А я тебе подарю замечательную вещицу, – замирая от волнения, я озвучила на понятном ему языке жизненно важную просьбу.

Пипин озадачился, а я, чтоб подстегнуть его желание выручить бедняжку, достала из кармана зажигалку. Надо сказать, выглядела она «дорого – бохато» – металлическая с золотым напылением.

– Это золото? – шумно сглотнув, «рыцарь» уставился на вещицу. И то, как он на нее таращился, снова подтверждало факт, что я нахожусь в настоящем затерянном мире – Пипин не видел зажигалок. Как и тот стражник, которого я заговорила. Возможно, это потомственные владения какого-нибудь богатого психа, который согнал сюда народ под видом стройки века и устроил своеобразное эко-поселение. Снача-

ла люди еще помнили, что такое телевизор, электричество, демократия, а потом просто забыли. И жили они из поколения в поколение в полнейшей автономии, как подопытные кролики.

Это мой уставший мозг не хотел мириться с тем, что я сошла с ума, и придумывал новые логические объяснения.

Хотя и эта версия не выдерживала никакой критики. До перестройки не было таких богатых, кому позволили бы такое глумление над людьми. А значит, о поколениях не может быть и речи.

Стоп! А может определение «дурдом» и не просто фигура речи? Вдруг это какая-то экспериментальная психиатрическая клиника для людей, чувствующих себя рыцарями, менестрелями, юродивыми? А где-то живут такой же обособленной общиной Наполеоны, генералы Гранты, Элвисы Пресли и прочие известные личности. И они благополучно существуют в том мире, который отвечает их внутренним запросам? А рядом переодетые в стражников, простых торговцев и представителей прочих профессий санитары зорко следят за состоянием пациентов?

И психи комфортно себя чувствуют среди своих. Ну да! Конечно! Я облегченно выдохнула. Как заказник, где животные обитают в своей среде. Их охраняют и при необходимости лечат.

Но где гарантия, что, если я вычислю санитаров, меня не посчитают пациенткой? Как я докажу обратное, если не

знаю, кто я? Значит, надо отсюда выбраться, и решать вопросы по мере поступления. Сейчас мне нужна одежда. И помощь Пипина.

Вот сейчас можно было сказать, да, золото. Но врать я не умею. Хотя не мешало бы научиться. Ведь иногда это реально может быть ложь во спасение. И в данном случае, речь шла о спасении меня. Но как бы то ни было, я не соврала.

– Нет, это не золото. Но зато очень полезная штучка. Смотри!

Я чиркнула зажигалкой. Пипин, вместо того, чтоб с детским любопытством разглядывать игрушку, шарахнулся от меня, как черт от ладана, и закрылся руками.

– Ведьма! Ведьма! – зашипел он в испуге.

Кажется, с театральностью я переборщила.

– Нет, что ты! Это такое кресало. Так же у вас называется средство для добывания огня? – успокаивающе проговорила я.

– Кресало? – недоверчиво покосился он на мою руку.

– Кресало! – подтвердила я. Но убрала зажигалку в карман, чтоб не нервировать Пипина. – Ну так ты мне поможешь? Если б я была ведьмой, я б наколдовала себе какой угодно наряд.

Сознавая, что толкаю мужчину на преступление, я успокаивала себя тем, что для него это привычное дело. А я, пожалуй, не только не смогу что-то украсть, так еще и попадусь при попытке.

– Ладно, я ж пообещал, – обреченно согласился он. Очевидно, Пипин жил по понятиям и обещанное слово привык сдерживать.

– А ты хочешь уйти отсюда? – спросила я, решив, что должна что-то хорошее сделать для него. И единственное, что мне доступно, похлопотать за него, когда выберусь отсюда. Все-таки нельзя содержать больных в таких условиях.

– Куда? – Пипин, забыв, что я могу быть ведьмой, удивленно вздернул брови.

– Ну в другое место. Где никто не обижает.

– Другого места не бывает. Может там, откуда ты приехала и есть что-то по-другому. Но для таких, как я, жизнь везде одинакова. Ладно, я пошел. К ночи прийду.

Странное дело. Но в нем не осталось ни капли от того Пипина, которого я впервые увидела и чуть не упала в обморок. Я проводила взглядом его ссутулившуюся фигуру. Нет. Моя последняя выстроенная версия происходящего трещала по швам. Он не сумасшедший. Это не резервация для сумасшедших. Не экспериментальная клиника... Потому что в клинике не казнят пациентов. И я не знаю, что это. И самое паршивое – я не знаю, кто я.

Я достала зажигалку. Единственный предмет, не считая моей одежды, который говорит, что этот мир не настоящий. А если бы те, кто меня сюда закинул, переодели меня в платье с чепчиком, я б наверно точно решила, что...

Что?

Я погладила пальцем блестящую поверхность. Гравировка...

Вадиму от Лизы.

Божечки! Лиза это я! А Вадим...

Я закрыла глаза, потому что картинки, предшествующие моему появлению на мосту, завертелись перед глазами, унося меня в мрачный водоворот воспоминаний.

Глава 4

– Брагина! Санкнижка где? – управляющий был зол. Настолько, что лицо стало похоже на перезрелый баклажан. Я замерла, как опоссум при виде опасности, и так же, как этот зверек хотела прикинуться мертвой. Но это бы не прокатило. Как гром с ясного неба в наше кафе нагрянула проверка. И малейший косяк выльется штрафом заведению, а нам лишением премий и, не исключено, что другими неприятными вещами. А я, как назло, брала свою санкнижку, чтоб поставить печати и оставила в другой сумке.

– Дома, – пролепетала я, понимая, что такой ответ господина Жидкова вряд ли устроит.

– Тогда какого черта ты здесь? – рявкнул шеф. – Бегом на такси и за книжкой!

Я хоть и веду себя ниже травы и тише воды, но два раза повторять мне не нужно. У меня даже куча постоянных клиентов есть, которым нравится то, что я запоминаю заказ и ничего не путаю.

Резвой мартышкой я понеслась в комнату для персонала, переделалась быстрее, чем солдаты по команде «Подъем» и на ходу уже тыкала в приложение Яндексa.

Подпрыгивая от нетерпения, ждала такси, прокручивая в голове варианты карательных мер, на которые способен Жидков. Самое страшное было увольнение.

Потому что временно мы живем на мою зарплату. Вадим и его ребята разругались с «импрессарио», который обеспечивал им заработок. Правда, его едва хватало на съемную квартиру и еду. Но это временно.

Талант Вадима будет оценен по достоинству, и у него все получится. Во всяком случае, я в это верила. Вадим – музыкант. И познакомились мы с ним на Дне города.

Я хоть и перешла на второй курс, но все еще оставалась восторженной провинциалкой. Это меня так девчонки из группы подкалывали. Потому что я не хотела расставаться с косой, не ходила по барам и клубам, а все время пропадала или в оранжерее или в питомнике.

Зубрилкой меня нельзя назвать, потому что учеба давалась мне легко. Вся информация запоминалась влет, но пары я не прогуливала и все лекции записывала. Ну и всем давала списывать, поэтому меня не отгоняли от компании, как гадкого утенка, а вполне себе дружили.

В тот день мы пошли в парк, где намечался грандиозный праздник. Теплый денек прибавлял градус настроения. Взяв по мороженому, мы собирались посидеть на лавочке. Но не успели.

Какой-то ящер вздумал потренировать свой вестибулярный аппарат, балансируя на бордюре, потерял равновесие и, прыгнув, толкнул меня. Как в молодежной, необремененной смыслом комедии, подтаявшее мороженое вылетело из стаканчика и приземлилось прямо на белую футболку Бо-

жества. А учитывая, что я люблю шоколадное, то пятно вышло качественное, смачное, как из-под кисти художника – абстракциониста.

Закрыв глаза от ужаса, я приготовилось принять на свою голову кучу помоев. Вернее, я ее и так получила. Но с огромным бонусом.

– Ты чо, дура криворукая, наделала? Не можешь среди людей находиться, езжай в свой колхоз, коров доить!

Ярко накрашенная девица в запредельном мини и бюстом, выпрыгивающем из выреза футболки, сверкала глазищами, словно примериваясь, куда мне вцепиться. Я жутко перепугалась, потому что драки – это вот совсем не мое.

– Извините, это случайно получилось, – пролепетала я.

– Еще бы ты специально это сделала! – фурия, кажется, накручивала себя, чтоб показать всем, какая она резкая.

– Агата, все в порядке. Девочка ж неспециально, – миролюбиво сказало Божество, парализуя меня магнетическим взглядом своих синих глаз.

– И что теперь? Тебе через полчаса на сцену выходить, ты забыл? – еще больше злясь от заступничества парня, Агата уже начала наезжать на него.

– Ну криком же не исправишь. Что-нибудь придумаем, – он ободряюще подмигнул мне, и это не укрылось от «всевидающего ока» спутницы.

– Так у тебя с ней что-то есть? – сузив глаза, зашипела она, напоминая разъяренную кошку. – Ты с ней уже что-то

замутил, да? За такой косяк нужно отвечать!

Не выношу, когда на меня кричат. А особенно, если чего-то требуют. И поэтому дышала через раз, лихорадочно соображая, как исправить то, что сделала. Единственное, что приходило в голову, и самое неприятное – это компенсировать порчу имущества. И хотя у меня бюджет расписан весь до копейки, по-другому с меня не слезут. Займу или напишу курсовую кому-нибудь.

– Я заплачу, – боясь заплакать, заверила я.

– Да ты знаешь, овца, сколько стоит такая футболка? Всем колхозом собирать будете и не хватит! – злая кошка по имени Агата расхохоталась, как настоящая ведьма.

– Агата, оскорбляя других, ты себя выставляешь в неприглядном свете, – холодно осадил ее красавчик.

– Вадим! Вот ты сейчас серьезно, да? – Агата гневно сощурила глаза. – Я тебя защищаю, а ты меня, значит, вот так? Может, я и не нужна тебе?!

– Агата, ты замечательная девушка. Заметь! Девушка! Поэтому предоставь мне самому избрать линию защиты.

Оказывается, Божество зовут Вадимом. И то, как он усмирил эту фурию, прибавило сто очков сверху к его харизме.

– Футболка, действительно, дорого стоит, а я студентку разорять не хочу, – улыбнулся он.

От такого благородства у меня сердечко забилося, как пойманный воробей. Я не думала, что остались еще принцы,

которые не мелочатся, не устраивают скандалы. И от того, что этот принц защищает меня, хотя я, действительно, виновата, в моей душе затрепетали те самые бабочки, о которых все говорят, но я и понятия не имела, как это бывает. К счастью, от переизбытка чувств я как утонченная леди, этих самых чувств не лишилась и с трудом, но сообразила, как выйти из ситуации.

– Давайте я оплачу химчистку! – чуть не задохаясь от волнения, предложила я.

– У меня другая идея есть. Давай свой номер телефона. Отработаешь, – коварно усмехнулся Вадим.

– Что?! – ореол святости, только что сиявший над головой Вадима, померк, а я едва не задохнулась от возмущения. – Да как вы...?!

Я хлопала глазами, пытаюсь проморгаться и убрать набегавшие слезы. Краска залила лицо, и мне казалось, что даже уши полыхали, как маков цвет.

– Что как я? Как я могу неделю не мыть посуду?

– Посуду? – изумленно переспросила я, сглотнув слюну.

– Посуду помыть мне нужно. Да. А ты что подумала? – он хитро вздернул бровь, а я готова была провалиться сквозь землю от стыда. – Хотя твой вариант мне тоже нравится...

– Вадим, ты что не видишь, девушка из деревни. А там у них любовь только после свадьбы, – не преминула куснуть подруга Вадима.

– Ну может, это и неплохо, – заметил он. – Давай телефон.

Помоешь мне посуду, ну и полы до кучи, и мы в расчете.

Я достала свой скромненький, выдавший виды самсунг и, пряча глаза, протянула Вадиму.

Он забил туда свой номер, затем набрал, чтоб отразился у него, и вернул мне.

– Ну все, отдыхай и не переживай. Кстати, я скоро выступаю. Подходи к сцене.

Оставив меня стоять с открытым ртом, он сделал прощальный жест рукой и пошел к группе ребят.

Божество было гитаристом, и скоро я увидела его в лучах софитов. Футболку он снял, надев короткую кожаную куртку, которая, очевидно, валялась где-то в их реквизите. На голом торсе она, конечно, смотрелась очень сексуально. Что отметили и другие барышни, которые приплясывали и визжали так, будто выступали не начинающие музыканты, а самые-самые модные и раскрученные.

И с той самой встречи началась история наших отношений. Правда, в этой огромной бочке меда затесалась и ложка дегтя. Куда ж без нее. И может не одна. Но я стараюсь об этом не думать. Главное, мы вместе и мы любим друг друга.

Правда, ради этой любви я бросила институт, потому что группа Вадима выступала на разогреве у звезд, и им приходилось гастролировать. А о Вадиме нужно было заботиться. Да и первая любовь так снесла крышу, что мне не хотелось расставаться ни на день.

Потом группа нашла способ зарабатывать в столице. По-

том его потеряла. И я пошла работать официанткой, чтоб поддержать любимого.

А теперь, благодаря собственной безответственности, я могла потерять источник дохода.

В такси я едва удерживала себя, чтоб не начать подгонять водителя. А возле дома, чтоб не тратить время, попросила его подождать. Резвой обезьянкой я неслась по лестнице. От волнения еле попала ключом в замочную скважину.

Открыв дверь, я начала шарить глазами в поисках сумки, но натолкнулась на зажигалку. Получается, Вадим тоже забывашка. Он же сейчас на прослушивании. А мне говорил, что она для него счастливая. Я купила ее с первой зарплаты – на удачу. Хотя и не одобряла его пристрастие к сигаретам. Но возможно, это была часть его имиджа плохого парня, который нужен был для сцены.

Я взяла в руки красивенькую штучку, и несмотря на то, что жутко спешила, поцеловала ее. Как всегда, когда трогаешь вещь любимого, кажется, что прикасаешься к нему самому, разговариваешь с ним. На душе потеплело, и даже угроза увольнения отошла куда-то на второй план. Главное, мы вместе, и Вселенная не позволит умереть нам с голода. Я улыбнулась и тут же застыла в недоумении. На полу, рядом с кроссовками Вадима валялись небрежно скинутые туфли на высоченных каблуках.

Я несколько секунд пялилась на них, соображая, что это могло значить. Может, они решили взять солистку и изме-

нить репертуар группы? Или само направление?

Надо зайти поздороваться. Бодрым шагом я направилась на кухню, но там никого не оказалось. Хотя все разговоры ребята вели там.

Я нашла их в спальне. Вадима и обладательницу дорожных красивых туфель, которые продавались в тех магазинах, куда я и заходить боялась. И они не рассматривали марки или фотографии. Они весело барахтались в кровати, не слыша ничего вокруг.

Можно ли придумать какое-то логичное объяснение? Ты же умная, детка! Ну! Вадиму предложили сделать клип, и он сейчас репетирует с партнершей. Зачет. Еще варианты? Приехала родственница дальняя, приняла душ с дороги и решила отдохнуть. А Вадим не заметил ее и... Нет, это уже хуже, чем сову на глобус натягивать.

Я вижу именно то, что вижу.

Глава 5

Правда, видела я, как под анестезией. Вроде бы картина понятная, но ничего не чувствуешь. Вообще ничего. Только легкое удивление. Наверно, поэтому мой вопрос прозвучал совершенно идиотски.

– Вадим, а что это значит?

– Лизун, я давно хотел тебе сказать, – мой любимый замялся, подбирая слова.

Ну же, Вадим, скажи, что я глупая и все не так поняла! Я даже готова попятиться, как рак, тихонько закрыть дверь и сделать вид, что ничего этого не было. Просто мне это приснилось. Вечером, как всегда, я приду с работы, и все будет, как раньше. Пожалуйста, любимый!

Но сердце, реагирующее острее, чем мозг, сжалось от боли. Ничего он не скажет, потому что ухоженная брюнетка со стильным каре не чувствовала себя лишней. Наоборот, она нагло рассматривала меня, не смущаясь того, что находилась в моей постели. Она лишь для приличия натянула одеяло на грудь и насмешливо улыбалась.

Надо бы уйти, чтоб избавиться от этого кошмара, а ноги словно приросли к полу.

Но Вадим вызволил меня из состояния тормознутости. Он встал, поднял валявшееся полотенце и обернул его вокруг бедер.

Не зря я в первую же секунду нашего знакомства назвала его Божеством. У него было тело, которому позавидовали бы античные боги. И я готова была служить ему, замирать от счастья рядом с ним. Но... мое время истекло. И Вадим тут же это подтвердил.

– Пойдем на кухню. Поговорим, – он взял меня за руку, уводя от греха подальше из спальни. Но зря он переживал за свою пессию. Я безобидней личинки. Хотя боль, растекающаяся по телу, требовала выхода. Она грозила меня разорвать в клочья. Казалось, что вот-вот я распадусь на мелкие безжизненные ошметки, потому что во мне умирало все, что было важным.

– Присядь, – Вадим подвел меня к стулу и почти насильно усадил. Как куклу. – Лиза. Ты очень хорошая. Но этого мало. Понимаешь?! Женщина, как муза, должна вдохновлять на подвиги, на великие дела. Чтоб ради нее хотелось свернуть горы. Она хрупкая и нежная, неприспособленная. Ее нужно защищать и оберегать! А ты? Ты не мотивируешь. Ты как серая трудолюбивая мышка. Все тащишь в норку. Без обид. Я говорю, как есть. К тому же ты конкретная ледышка. А мне нужен огонь. Я мужчина. И мужчина по сути – завоеватель. А ты всегда под рукой. И в горе, и в радости, – зачем-то добавил он.

«Пока смерть не разлучит нас...» – машинально пробормотала я. Оглушенная, ослепленная всем, что увидела и услышала, я не могла выйти из ступора. Его слова, словно

отравленные стрелы вонзались в мою нежную душу, раскурочивая и разрывая ее. Все, чем я жила, чем дышала, в один момент рухнуло, и я сама оказалась раздавлена под руинами.

Боль в горле становится нестерпимой, его словно раздирал колючий комок. Я должна что-то сказать, но в голову, как дятел, долбила одна мысль – все это дурной сон. Просто в комнате слишком душно, мне не хватает воздуха, вот подсознание и дает мне это видение, чтоб я проснулась.

– Ты хоть скажи что-нибудь! – Вадим обеспокоенно вглядывался мне в лицо, прикидывая степень моей адекватности.

– А-а-адик, я ж тебе говорила, что она тупая у тебя! – противный голос соперницы бензопилой врезается мне в мозг, и я понимаю, что такая мерзкая ситуация даже в кошмаре не может присниться. Это реальность. В которой нет места для меня.

Вадим не сделал ей замечания.

– Лиза. Прости, что так получилось. Я не должен был...

Я смотрела на лицо любимого словно сквозь пелену. Он хочет, чтоб я сказала что-то? А я не могу. Разум отправился в гости...

– За вещами завтра зайду, – едва выдавила я и пулей вылетела из квартиры. Я не хотела плакать при нем. Не хотела, чтоб он запомнил меня жалкой и раздавленной.

Звериный инстинкт выживания гнал меня по улицам. Я не видела лиц прохожих, не замечала ничего вокруг. Будто горячий нож в масло, входила в толпу и выходила из нее.

Я боялась остановиться. Казалось, если это сделаю, боль настигнет и разорвет меня.

Наконец я выбилась из сил. На город стремительно опускались сумерки. Ноги гудели от усталости, и я в изнеможении присела на лавку в сквере. Нужно было посмотреть правде в глаза и что-то придумать. Вот когда я пожалела, что у меня нет подруг. Нестерпимо хотелось вывалить на кого-то все, что бушевало в душе. Получить совет или поддержку. Но Вадим убедил, что женщины не умеют дружить. И любая будет завидовать нашему счастью. Как слепой щенок, я доверяла ему безоговорочно. И вот теперь я совершенно одна. Беспомощная и беззащитная. Тихоня и серая мышка. Адреналин, от которого кипела кровь, весь вышел, пока я раненым животным металась по городу. И на смену ему пришла дикая усталость. Пустота в душе разрасталась, вытесняя из нее радость, надежду и даже простой интерес к жизни. Настоящее обнуление.

Жизнь с Вадимом, словно кино в перемотке, пронеслась перед глазами. Вадюше нужно отгладить рубашечки. Вадюша любит с утра свежесжатый сок. Вадюша – творческий человек и ему, значит, дома ему должно быть комфортно. Мусор вынести? Не господское это дело! В магазин за продуктами сходить?! Что, толкаться в очереди с пенсионерами и домохозяйками? Барину по статусу не положено!

А на что он рассчитывает? Что его муза, субтильная жгучая брюнетка с коротким каре ему пельмешки лепить будет?

Или борщ варить? Разбежалась! Какой-нибудь подвальный клуб поэтов-декадентов и тонкая сигарета в мундштуке – самое то для нее. Такая королева преисподней, отрицающая мораль и нравственность. Как она лихо разрубила узел, связывающий меня и Вадима! Просто не постеснялась прийти в дом, где живу я. Где мои вещи. Где всего касались мои заботливые руки. Не постеснялась лечь в мою постель!

Господи, неужели я заслужила это?

Я потеряла все. Любимого мужчину. Жизненные ориентиры. Налаженный быт. Дом, который обустраивала с теплотой, как семейное гнездышко.

У меня теперь ничего нет. Ради Вадима я бросила институт, потому что он, как всегда, был убедителен.

– Лизун, ну зачем оно тебе нужно? Кем ты будешь? Учителем биологии? По триста раз повторять одно и то же бес толковым олухам, которые будут подкладывать тебе кнопки на стул и снимать на видео, когда ты будешь плакать от бессилия. Ты же не можешь постоять за себя!

Я вспомнила и удивилась – до чего ж я бестолковая! Только что он мне втирал, что музу нужно защищать и оберегать, потому что она беззащитная. А то, что я тоже беззащитная, это не считается? Не того уровня беззащитность? Бывает вот такая изнеженная, как у этой стервы. Показная, «со сломанными птичьими лапками» и губками, сложенными в просительную уточку. И настоящая. Как у меня. Когда тебя могут вышвырнуть, как котенка на улицу, не беспокоясь, что с ним

дальше будет.

Что бы сделала нормальная девушка в моей ситуации? Правильно! Устроила б такой скандал, что никому мало б не показалось! Уходить?! Так с боем посуды, изрезанными или выброшенными вещами изменника! С отступными, в конце концов. И уж если не со скальпом соперницы в руке, так хоть с клочками ее волос!

Любая другая, но не я. Бабушка всегда говорила, что скандалить с кем-то – это все равно, что стать на четвереньки и облаять собаку, которая твякнула на тебя. Бабушка!

Я вытащила из-за пазухи подаренный ею кулон и машинально поднесла к губам.

Показалось, что он стал каким-то горячим. Бред, конечно, но что, если это бабушка меня так поддерживает?

«Родненькая, подскажи, как мне дальше жить?» – взмолилась я, целуя бронзовый кругляшок.

Медальон разговаривать не умел. Но мне неожиданно захотелось встать и снова идти куда глаза глядят, несмотря на дику усталость.

Я поднялась, и ноги сами принесли меня на мост. По нему я не раз проходила с затаенной грустью. Вид замочков, которые вешали молодожены на перилах, тревожными звоночками отзывался в душе. Ведь у нас с Вадимом и речи не шло о свадьбе. Я, как воспитанная девушка, не могла даже намекнуть, что штамп в паспорте – это для меня более романтично, чем абстрактное – «нам хорошо вдвоем». И мне остава-

лось только с тоской смотреть вслед разукрашенным машинам, радостно мчащим влюбленных в ЗАГС. Мне бы, глухой, понять, что я для Вадима, как удобная варезка. Тепло. Не жмет. И потерять не страшно. То ли дело перчатки, которые дорого стоят и придают статусности.

Поэтому он меня и не брал светские тусовки, не знакомил с друзьями, которые были у него вне группы. Может стеснялся, потому что не баловал обновками. Жизнь в провинции на пенсию бабули не могла приучить к роскоши. И для меня каждая покупка – это стресс. А Муза должна быть холеной и капризной, знающей себе цену. А я... умная и понятливая. Терпеливо ждущая предложения руки и сердца...

Дождалась...

Мне некуда идти. Стою глухой ночью одна на мосту. Днем он выглядит так ми-ми-мишно, а сейчас по-настоящему угрожающе. Вычурные узоры кованых перил напоминают ограды таинственных замков, в которых творятся темные дела.

Он будто окутан мистическим ореолом. Полная луна отражается в воде, и я с ужасом жду, что где-то вот-вот завоет волк или появится оборотень в обнимку с вампиром. Меня пробрала нервная дрожь. Руки стали ледяными, потому что страх отвратительными холодными гусеницами полз по позвоночнику.

Да, я жуткая трусиха. Нет, не так. Я патологическая трусиха. Я не ищу приключений на свою пятую точку. И толь-

ко сильнейший стресс выгнал меня в неизвестность из дома. Как лесной пожар выгоняет зверя из своего логова.

Если после всего, что увидела и узнала сегодня, я думала, что тону, то сейчас меня конкретно придавило к самому дну. Паника опутала липкой паутиной, сердце колотилось, как сумасшедшее, и я поняла, что это предел. Меня не зря привело на это место. Сама Судьба заставляет принять решение. Так дальше жить нельзя! Прощай, неуверенный в себе пухлячок! Прощай, беззащитный лягушонок, у которого все отбирают! Прощай, слабачка, которая не умеет дать отпор!

Я решительно шагнула на середину моста и что было силы заорала:

– Я начинаю новую жизнь! Прежняя Лиза умерла! Да здравствует новая Лиза!

Кажется, с эмоциями я переборщила. Закружилась голова, луна кувыркнулась и вместе со звездным небом исчезла, а я погрузилась во мрак.

Глава 6

И что это значит? Что я, правда, рехнулась от потрясения? Боль, которую я забыла, словно снова проснулась и попыталась колоть мою душу своими безжалостными иглками. Хотя, надо признаться, ощущалось это совсем не так остро, как тогда.

Я поняла, что значит – клин клином вышибает. То, что мне пришлось сегодня пережить, заставило думать о других проблемах. Сидя в парке, я хотела умереть, раствориться пыльной крошкой в просторах Вселенной, чтоб никогда и никто больше мне не причинил никакой боли. Тогда я думала, что не смогу жить без Вадима, без его любви.

А сегодня я хотела жить. Несмотря на то, что окружающий мир наполнял мою душу ужасом, я не хотела сдаваться. Наверно, то желание, которое произнесла на мосту, было очень искренним и произнесено в нужный день, нужный час и в нужном месте.

Иначе, чем объяснить, что Вселенная дала возможность начать новую жизнь? Просила? Получи и распишись!

И неважно, что я имела в виду совсем другое. Значит, нужно было конкретней выражать свои мысли. А так Высшие силы исполнили мое желание самым удобным для них способом. Забросили не пойми куда, но формальности соблюдены.

Обещаю, когда выберусь из этой переделки, то научусь правильно думать и поступать! Я восстановлюсь в институте. Буду подрабатывать. Научусь красиво одеваться и отстаивать свое мнение. Чтоб больше ни одна мартышка крашенная не смела обозвать меня овцой.

Поймав настрой боевого хомячка, я немного успокоилась, потому что сейчас, реально, ничего не могла сделать.

Я сидела, временами проваливаясь в полудрему, а мой Рыцарь ободранной рубахи все не приходил. Проснулся голод, и напомнил, что я не ела ... А не ела я ровно с прошлой жизни.

Однако уходить, чтоб найти хоть какое-нибудь яблоко нельзя – я надеялась, что Пипин сможет раздобыть мне одежду. А потом я еще у него выпрошу все о жизни в этом месте. Не знаю, как работает все здесь, но у нас кто владеет информацией, тот владеет миром.

А как завладеть этим миром, когда у тебя из вещей – одна зажигалка. Но зато она уже помогла два раза.

Я так погрузилась в свои наполеоновские планы, что не заметила, как вернулся Пипин. Сначала обрадовалась, а потом чуть не рванула со всех ног отсюда. За его спиной буквально выросли еще четыре «рыцаря», такие же обросшие, немытые и обтрепанные. И они разглядывали меня, как разглядывали бы елку крестьянские дети, приглашенные в барские хоромы на Рождество.

Я поняла, что выражение «волосы зашевелились» не го-

лая метафора. Мне стало так страшно, как не было страшно даже в тюрьме с висельником за окном. Я полезла в карман за своим единственным оружием, но Пипин успокаивающе поднял руку.

– Не надо Силы огня призывать! А то парней перепугаешь!

У меня вырвался нервный смешок. Кто кого перепугать должен? Или они себя в зеркало не видели никогда?!

– Я принес то, что ты просила. Парни помогли. Чистое, – подчеркнул он. – С веревки сняли.

Он протянул свернутое платье из грубого льна, выкрашенного в практичный коричневый цвет. Когда я его развернула, из него выпал чепчик. Не белоснежный и накрахмаленный, но главное выстиранный и, надеюсь, без насекомых.

– Ты наверно, голодная? – не дожидаясь, пока я налюбуюсь своим нарядом, поинтересовался Пипин.

Мне не хотелось обижать своего нового друга, но есть кусок хлеба из его рук и из его котомки я б не смогла. Я уже собралась сказать: «Нет», но голодное урчание желудка все равно меня выдало.

– Голодная! – констатировал факт Пипин. – На вот.

Из той же грязной котомки теми же грязными руками он вынул яблоко. Спелое. Ароматное. Будто только- только сорванное с ветки. Слюна тут же начала собираться во рту, и я шумно сглотнула.

– Спасибо, Пипин. Я пока приберегу его, – я сказала чистую правду, лишь не уточнила, что приберегу до того момента, когда найду хоть какую-нибудь лужицу, чтоб его помыть.

Похоже, словами благодарности Пипина никто не баловал, поэтому он расплылся в довольной улыбке.

– Но у нас к тебе просьба.

Он сделал паузу и выжидательно посмотрел мне в глаза. Наверно, и правда, юродивый, раз не понимает, что просить о чем-то несчастную потеряшку еще глупей, чем у какого-нибудь каменного идола. Но они ж как дети, а значит, отказывать или пытаться открыть им глаза, нехорошо.

– Пипин, обещаю, сделаю все, что в моих силах, – и успокоила, и ни капли не соврала. Просто не сказала, что вообще не представляю, на что может хватить моих сил.

– Когда станешь королевой или приближенной, замолви за нас словечко. Чтоб нас нанимали хоть на какую-нибудь работу. Выдали метрику. А так мы просто отбросы, которые вынуждены скитаться. Стражники нас или прогоняют, а те, кому не лень, волокут в тюрьму. А оттуда не все возвращаются. Виселицу на площадь, и нет Пипина или еще кого.

Небольшая речь, но я с огромным трудом ее переварила. Предположение, что я стану королевой подтверждает мою версию, что передо мной юродивые, которые от фантика придут в восторг. А дальше совсем здравые рассуждения насчет метрики и работы. И еще одно, не касающееся Пипина

и его друзей. Почему виселица на площадь? А как же тот бедолага? Тайная казнь?

Спрашивать, где дают метрики я не стала. Во-первых, надеюсь все-таки здесь надолго не задерживаться, а во-вторых, если им, коренным жителям не дали, то мне, не имеющей здесь ни единой родной души, тем более.

Решила начать с самого нереального.

– Пипин, а с чего ты взял, что я могу стать королевой?

– Ну ты же избранная, сразу видно! Ты светловолосая, у тебя взгляд королевский, и ты левша. Только в очень благородных семействах рождаются левши. Многие знатные пытаются своих дочерей приучить что-то делать левой рукой, но против природы не попрешь. Переученных сразу видно, – снисходительно пояснил он.

А я еще больше утонула в полученной информации. Интересные тут нравы. Кажется, у нас нет ни одного государства, где те, кто отличается в физиологии от большинства, имеют какие-то привилегии. Ну если не считать каких-то льгот людям с ограниченными возможностями.

– А как ты узнал, что я левша?

– Да очень просто! Ты достала свое волшебное кресало правой рукой, а потом переложила его в левую, – Пипин говорил терпеливо, как ребенку объясняют простые вещи.

– Так, хорошо. А королевский взгляд – это какой? – продолжала я выуживать сведения, способные мне хоть как-то помочь.

– Не такой, как у наших женщин. Они постоянно опускают глаза, и во взгляде злоба, жесткость, зависть. Глянешь и вздрогнешь. А ты смотришь открыто, словно никого не боишься и никому не желаешь зла.

– Так я никому и не желаю зла. И до недавнего времени никого не боялась это точно, – согласилась я с очевидным.

– А ты это, переодевайся. Уходить надо. У тебя ж метрики нет? Вот и заберут, как бродяжку.

– А где у вас получают метрику?

– Знамо где, в мэрии. Только тебе не дадут, – для убедительности он покачал головой.

Почему, я догадывалась. Должны быть какие-то записи о рождении, сведения о родителях. Если только каким-то образом узнать данные любой девушки примерно моего возраста и сказать, что потеряла эту самую метрику...

Но Пипин сразу отмел этот вариант.

– У нас делают вот это..., – он послунял большой палец и приложил его к камню, показательно покрутив кистью, будто вдавливая.

– Отпечаток пальца? – изумилась я. А википедия говорит, что дактилоскопию начали использовать только в самом конце девятнадцатого века!

– Ну да. И в мэрии есть бумаги на каждого.

Фантастика! В городе, где не знают, что такое зажигалка, имеются базы данных на всех жителей.

– Слушай... Вокруг еще много городов? Таких? – Я

неопределенно покрутила указательным пальцем.

– Ну..., – задумчиво протянул он. – Мы далеко не ходим. День-два пути. Дальше не ходили. Опасно становится в одном городе, перебираемся в другой.

А мой боевой дух окончательно упал. День-два пути – это ...Скорость пешехода пять километров в час. Умножить на максимальное количество часов, которые человек способен идти – двенадцать. Итого – шестьдесят километров. Черт. Кажется и для лошади это многовато будет. Окончательно запутаться в расчетах Пипин мне не дал.

– В харчевне прислужник слышал, как гвардейцы говорили, что облава здесь будет. Так что, если не готова предьявить права, лучше убраться отсюда.

Меня тронула забота бедняги, которому я создала проблему, а он продолжает беспокоиться обо мне. И насчет уходить – хороший вопрос. Куда податься на ночь глядя?

Очевидно, вопрос так явно отразился на моем лице, что Пипин его считал.

– Можешь пойти с нами. Мы сейчас в лес. Пересидим. А наутро в другой город подадимся, – предложил он. А у меня опять сердце сжалось в маленький жалкий комочек – сколько ж всего городов на территории этого дурдома?

Глава 7

Конечно, идти в лес в компании, мягко скажем, асоциальных элементов, это верх безрассудства. Но! Если б хотели сделать что-то дурное – этот заброшенный уголок вполне мог бы стать местом преступления. Или в лесу труп прятать удобней? Нет тела – нет дела?

Черт! И в облаву попасть совсем не хочется. Все –таки, наверно, придется согласиться. Раз они уж заявили, что видят меня королевой. Королевой развалин...

Может, и правда, из другого города ближе к границе этого Зазеркалья? А они хоть дорогу знают. Укрепившись в своем решении, я метнулась за полуразрушенную перегородку, собираясь переодеться и завернуть джинсы и футболку в плащ. А потом подумала – а зачем? Если вдруг кому-то вздумается обыскать меня, то странная одежда наведет преследователей на странные мысли. Так что лучше натяну платье сверху. Хоть и жарковато, зато безопасно. А плащ сверну и подмышку. Пока я с ним не хочу расставаться. И на землю постелить, и от дождя укрыться.

– Я готова, – появившись перед своими спутниками, отпартовала я.

Пипин меня пристально оглядел и одобрительно кивнул.

– Хорошо, что платье длинное, чудных твоих башмаков не видно. Но все равно, не шагай, как гвардеец, чтоб они не

выглядывали. И это... – Пипин замялся, подбирая слова. – Не поднимай глаз на людей. И чепчик пониже натяни. А то заподозрят еще.

– Тише воды, ниже травы? – усмехнулась я.

– Как это? – озадаченно спросил Пипин, не обремененный знанием фразеологии.

– Это скромно. Идемте?

Мы тронулись в путь, обходя места, где теоретически могли встретиться стражники. В этом мне пришлось довериться Пипину и его команде.

Но не целиком. Парочка не представленных мне джентльменов украдкой бросала на меня неоднозначные взгляды, от которых становилось не по себе. Пипин вроде бы вызвался быть моим защитником, но... Ухо нужно держать остро.

Но тем не менее, без их помощи я несколько раз столкнулась бы со стражниками, и неизвестно, осталась бы на свободе или нет. Удивительным, прямо звериным чутьем они угадывали приближение стражей, и мы дружно шугались в кусты, прятались за лачуги, распластываясь по земле.

Я еще раз похвалила себя за то, оставила штаны на себе. Хоть они и расценивались здесь как панталоны, всяко лучше светить ими, а не трусами. Ведь при неоднократном вынужденном выполнении «упал-отжался», мое платье нагло задиралось. А будить нездоровый интерес у «коллег» по путешествию, было опасно.

И мои подозрения, к несчастью, оправдались.

Зоны относительной безопасности мы достигли, когда уже начало смеркаться. Я так думаю, что здесь не раз бродяги коротали время. Между двумя деревьями было обустроено что-то типа навеса, под ним, на земле, валялись еловые лапы.

Пипин достал из укромного тайника в дупле дерева настоящий котелок и дал команду насобирать хворост. По недовольному выражению на лицах отмеченной мною парочки, он не был настоящим, безоговорочным лидером. Но по стечению обстоятельств ему подчинялись. Так как любое человеческое общество стремится к упорядочиванию.

Место было выбрано не случайно. Неподалеку бил холодный источник. Тело заныло, упрасывая смыть с него грязь и пот, но такую роскошь я себе позволить не могла. При всем заступничестве Пипина.

Единственное, что могла сделать, не подвергая риску свою добродетель, умыться и помыть яблоко. Откусив немного, я блаженно зажмурилась. Наверно, за всю мою жизнь я не ела ничего вкуснее. А потом – провал. Я опомнилась, когда в руке остался один несъедобный хвостик. И что печально – в желудке не появилось ощущения не то что сытости, а даже намек на нее.

Радовало, что у моих спутников имелась заправка. Я так понимаю, они где-то «тиснули» сильно обрезанный окорок и небольшой мешочек крупы. И это все должно стать основой вкуснейшей похлебки.

И чтобы ускорить ее появление, я тоже отправилась за

хворостом, хотя мое положение девочки и потенциальной королевы освобождало от этой повинности. Но ночь уже подступала, а в темноте сухих веток не найти, так что моя помощь точно лишней не будет.

А для меня это решение было спасительным.

Кеды позволяли идти практически бесшумно по толстому ковру из хвои. Я пошла в сторону ручья и увидела две знакомые спины. Вернее, спины выглядели одинаково – в вылинялых холщовых рубахах, одна пошире, другая поуже, ссутулившаяся. Но я узнала, кто это. И прежде всего по голосам.

Очевидно, они не торопились заняться общественно – полезным делом и присели у ручья поговорить за жизнь и в тайне от товарищей употребить горячительного из баклажки, к которой по очереди прикладывались.

Первое желание – убраться подальше отсюда я подавила и, нарушая этику, решила подслушать. Конечно, вчерашняя воспитанная Лиза непременно ушла бы. Сегодняшняя, без документов и без всякого представления о том, что будет завтра, осталась. Удержал инстинкт самосохранения. И надо сказать, он у меня просто красавчик. Во всяком случае сейчас.

– А я предлагаю не церемониться! Дадим Щербатому побольше выпить, и как он уснет, девке кляп в рот и отволочем подальше. Гнилой и Картавый пусть как хотят. Когда мы наиграемся, пусть попользуют. А нет, так мы и под утро продолжим.

– А если Щербатый проснется? – этот явно не был лидером и шел на поводу у своего приятеля.

– Тогда его свяжем, и пусть отдохнет. Уговор дороже денег. Всю добычу делим на всех. А он с ней носится. Надо его проучить.

Этот тип претендовал на звание главара, но, очевидно, его кандидатуру не поддержали, потому что Пипин был более толковым.

Осторожно, чтоб невзначай не зацепить сухую ветку, я вернулась на поляну. Пипин не стал просить у меня волшебный огонь и по привычке добывал искры при помощи кресала. Только сейчас я увидела, что оно из себя представляет. Какая-то железная загогулина и кусок камня, я так понимаю – кремь. Ударяя одно о другое, можно высечь искру, которая попадает на кусок пакли. Разгорается пламя и вуаля! Да будет свет! А заодно и тепло, и защита от диких зверей, если они тут водятся.

Мне нужно было забрать плащ и незаметно исчезнуть. Но уходить, не попрощавшись, я не хотела. Все-таки он мне здорово помог. С тоской я посмотрела на котелок с водой, на окорок, подавила голодный бунт желудка, который требовал сначала поесть, а потом уже сматываться. Но голос разума настаивал на немедленном бегстве. Когда появятся здесь те два гада, они уже не спустят с меня глаз, и даже если я скажу, что пошла искать дамскую комнату, уверена, попрутся следом. Мотивируя тем, что «М» всегда находится рядом с

«Ж».

Я тихонько подошла к Пипину.

– Пипин. Ты настоящий рыцарь. Я тебе очень благодарна. И за платье, и за яблоко, и за то, что вывел меня из города. Если б не ты, я бы совсем отчаялась. А теперь я точно знаю, где искать родных. Мне был знак. Они меня ждут у того места, где мы входили в лес.

– Ты куда? – встревоженно спросил он.

– Я пойду проверю, так ли это. Если их там нет, вернусь обратно. Тут же тропинка. Я не заблужусь.

– Я проведу тебя! – решительно заявил мой защитник.

– Ты забыл какая со мной сила?! – я хотела беззаботно подмигнуть, но не вышло. На душе скребли кошки, риск где-то сгинуть в лесу был велик. Но он не шел ни в какое сравнение с тем, что планировали компаньоны Пипина.

– Ну будь осторожна. Если что, кричи! – напутствовал меня он. Или поверил, или поленился идти за мной. В конце концов, я ему кто?

Глава 8

Подхватив плащ, я пошла в ту сторону, где был выход из леса. Отойдя метров на сто, решила, что меня уже не разглядеть, так как огонь сокращал поле видимости. По дуге я обогнула полянку, планируя выйти к ручью, но гораздо ниже того места, где сидели потенциальные насильники, а то и убийцы. Спасибо Роману Сергеевичу! Он настолько увлекательно рассказывал о туризме и спортивном ориентировании, что я три года прозанималась в его секции. Конечно, до героев Фенимора Купера мне далеко, но то, что топографический кретинизм преодолела – это точно.

Дойдя до ручья и не слыша никаких преследователей, я расслабилась. И тут же накатила нечеловеческая усталость. Казалось, еще шаг, и я просто упаду замертво.

К тому же в темноте запросто можно было наступить на задремавшего волка. Да даже если и на зайца, так я все равно перепугаюсь до смерти от неожиданности. Организм запросил пощады. Но и ложиться спать прямо под каким-нибудь кустом тоже отказался. Я прошла еще немного вдоль ручья, и Вселенная, так превратно понявшая мое желание начать новую жизнь, наконец-то смиростивилась. Я наткнулась на лиственное дерево, чудом затесавшееся среди высоких елей. Оно было толстое, мощное, а самое главное – нижние ветки у него были расположены относительно невысоко. И при

большом желании я могу до них дотянуться.

Я перебросила плащ через сук и уцепилась за него же руками. Упираясь ногами в ствол, исхитрилась взобраться, как панда, наверх. Чуть выше две прочные ветки образовывали нечто вроде седла. Не кресло класса «комфорт», но в моем положении выбирать не приходилось.

Соорудив из плаща сидушку, я примостила на нее свою нашедшую кучу приключений пятую точку. Теперь мне не страшен ни серый волк, ни похотливые уроды. Только как спать-то? Мало того, что сидя неудобно, так можно еще и свалиться. Ага. И прямо на волка, прилегшего отдохнуть под деревом после охоты.

Хотя... Если верить тому, что я читала в интернете про средневековье, то тогда люди вообще спали полусидя. Они считали, что лежачее положение – это положение мертвецов. А судя по тому, что местные не видели зажигалки, так здесь царит самое настоящее средневековье. Что ж... Пока не выберусь отсюда, придется придерживаться их правил.

С этой мыслью я провалилась в тревожный сон. И проснулась, только когда потянуло утренним холодком и сквозь листья пробились первые лучи солнца.

«Высоко сижу, далеко гляжу!» Не к месту вспомнилась сказка. Только вот далеко глядеть не получалось – везде был лес. Но! Раз есть ручей, то он, с большой долей вероятности, впадает в реку. А все поселения располагаются возле рек. И я должна попасть к людям. Может, там нет тюрьмы и страж-

ников и мне кто-нибудь поможет выбраться?

С таким позитивным настроем я спустилась со своего на-
сеста и бодро зашагала вдоль ручья.

Ну почему Вселенная не подобрала для меня новую жизнь
в каком-нибудь английском замке, где с утра подается овсян-
ка? Как бы я была ей рада!

Желудок отреагировал на грустные мысли недовольным
урчанием. Но мне вдруг стало не до него. Я услышала отча-
янный детский крик. Можно было подумать, что это от го-
лода у меня слуховые галлюцинации приключились, но тут
же послышался испуганный плач, и я, не разбирая дороги,
понеслась туда. Хотя и были сомнения в том, что моя голова
адекватно воспринимает действительность.

Пробежав несколько метров, я застыла, как вкопанная.
Сознание отказывалось верить тому, что видели глаза.

А они видели настоящих детей, до смерти перепуганных,
прижимающихся к стволу дерева. И рядом с ними скалил
пасть старый облезлый волк. Очевидно, он остерегался напа-
дать из-за громкого крика мальчишки. Но наклоненная го-
лова и кровожадный взгляд говорили о том, что он готовится
к нападению. И я даже не успею найти палку и добежать до
них. Как я буду сражаться с хищником, я не думала, главное
спасти детей.

– Эй ты, мешок с шерстью! – заорала я. – Ну-ка, иди сюда!
Сейчас я тебе покажу, как малышей пугать!

Зверь повернул ко мне голову и одарил зловещим взглядом. Но и в меня будто зверь вселился. Страху не было совсем. Мной овладела ярость тигрицы, защищающей свое потомство. И пусть потомство не мое, но это дети.

К тому же я знала, что у меня есть оружие, которого даже разумные двуногие боятся. Так что у этого клыкастого обормотанца шансов не было.

Не отводя глаз от противника, я осторожно вынула зажигалку и приблизилась вплотную к нему.

Так же, как и он, наклонила голову и оскалила зубы.

– Пошел прочь! – угрожающе прорычала я.

Но волк не уходил. Подрагивающая губа показывала, что он готов наброситься в любую секунду. Ждать было нечего. Резким движением я вскинула руку с зажигалкой и высекла огонь.

Результат оказался тем, на который я и рассчитывала. Хищник шарахнулся от нас и даже попятился. Убедившись, что его не преследуют, развернулся и шмыгнул в кусты.

Я облегченно перевела дух. Кто б мог подумать, что простая зажигалка может решить столько проблем! Нет, она, конечно, не простая. Я за нее ползарплаты отдала, чтобы порадовать любимого. Но зато как она меня выручает!

Обернувшись к застывшим в изумлении детишкам, я присела на корточки.

– Вы как здесь оказались?

Мальчишка, едва не сорвавший горло от крика, насторо-

женно смотрел на меня, и кажется, боялся не меньше волка.

— А ты кто? — прижимаясь к девчушке и как бы загораживая ее, спросил он.

— Я Лиза. Спасла вас от серого злого волка. Только давайте договоримся — никому не рассказывайте, как спасла. Повторяю вопрос. Как вы здесь оказались?

— Я Грейс, — всхлипнула малышка. — А это мой брат Коннор. Сын мачехи, Говард, ему десять лет, пообещал отвезти нас на ярмарку, чтоб посмотреть циркачей и медведей. Сказал, чтоб мы незаметно вышли до лавки молочника. Там мы сели на телегу какого-то мужика, а Говард сказал, что это его дядя. Потом заехали в лес, дядя сказал, что так короче. А потом схватил нас подмышки и понес. И сказал, чтоб мы ждали, пока за нами придет папа. Мы есть хотим. И домой.

Девчушка жалобно шмыгнула носом и присползла по стволу дерева вниз. Поцарапанные ручки, царапина на щеке, синие круги под глазами говорили о том, что они давно уже блуждают по этому лесу.

Я тряхнула головой. Нет, это вообще ни в какие ворота не лезет! Я что, вообще в мир сказок —ужастиков попала? Вряд ли десятилетний пацан вступил в преступный сговор со взрослым мужиком. Скорей всего, тут не обошлось без участия его мамы... Но в реальной жизни не может мачеха отправить детей в лес на верную смерть! Ведь проголодавшись, они станут искать, что можно съесть. А тут тебе и волчьи ягоды, бересклет, вороний глаз или снежнаягодник!

Много ли малышам надо?! И все шито-крыто. Пока детей хватятся. А там мачеха, невинно хлопая глазками, «предположит», что они могли с кем-то отправиться на ярмарку. Пока сообразят, что ни на какой ярмарке их не было, пройдет время. И за это время дети или отравятся, или станут добычей диких зверей. А она что? Она ничего! Ручки-то вот они!

Может, я таки двинулась головой? Или сплю еще и мне снится кошмар?

Но дети были реальными и голодными и изможденными.

– И давно вы по лесу ходите? – я пыталась говорить спокойно, но чудовищность поступка неизвестной мне мачехи леденила душу, у меня перехватывало горло спазмом. Я хотела узнать, кто они и откуда, но не смогла больше выдать ни слова. Сложился страх за свою жизнь и острая жалость к несчастным малышам, и слезы обжигающими дорожками потекли по щекам.

– Мы не знаем. Очень кушать хочется, – тихо ответила Грейс. Так тихо, будто ветер зашуршал листьями.

– А вы ягоды не ели? – с замиранием сердца спросила я.

– Не-ет! Только малину, но ее мало было. А так нам папа строго-настрого запретил пробовать любую незнакомую ягоду.

– Божечки, какие ж вы молодцы!

Я начала лихорадочно соображать, у какой белки стащить орехи и как доставить потеряшек домой. Да и самой не мешало бы что-нибудь добавить к тому яблоку, которое вчера

попало в желудок.

Тоскливо оглядев поляну, я было отчаялась. Не видно ни улья диких пчел, ни беличьего дупла. Ох, кажется, и у меня от голода мутится в голове уже! Какой улей диких пчел? Как бы я оттуда мед добыла? Сладкоежка Винни Пух, и тот не смог...

И тут меня осенило. Грибы! Вон сыроежка маячит!

– Так, дети! Обещаете не бояться?! – я постаралась говорить как можно бодрее.

– Обещаем, – недоверчиво ответили малыши.

– Тогда смотрите. Сейчас я сделаю небольшой костер. Мы пожарим немного грибов. Подкрепимся, чтоб от голода не упасть в обморок, и пойдем искать выход. Согласны?!

– Согласны, – дети немного оживились, очевидно, поверив, что тетенька, прогнавшая волка, может им помочь.

– Стойте здесь, чтоб вместо грибов мне не пришлось искать вас! – скомандовала я. Насобирав приличную кучку хвороста, я переключилась на грибы. Набрала чуть больше десятка, потому что грибы довольно тяжелая пища для пустого желудка.

Сделав из веточек три шпакжи, нанизала свою добычу и загородив от детей будущий костер спиной, чиркнула зажигалкой. Я подумала, что не стоит шокировать их второй раз.

Вскоре лесной деликатес был готов, и я вручила Грейс и Коннору по веточке с ароматными грибами. Конечно, насытиться тремя грибами нереально, но для того, чтоб немного

взбодриться, хватит.

Ничего лучше, чем следовать избранным, то есть вдоль ручья, путем, я не придумала. Подхватив на руки ослабевшую малышку и велев ее брату держаться за мою юбку, я зашагала вперед.

Глава 9

Вселенная оказалась благосклонной, и, не успела я выбиться из сил, как мы встретили людей, отправившихся на поиски потеряшек.

– Ты кто? – грозно спросил здоровый мужик в темном кафтане. Чистые волосы до плеч и аккуратная борода убеждали, что это не бродяга – перекаати –поле, из которых процентов двадцать порядочных. Если судить по Пипину и его компании.

– Это Лиз, – немного перекроив мое имя, поспешил ответить Коннор. – Она нас от волка спасла! И накормила.

Отдав малышку крепышу, я обессиленно опустилась на землю. Вот я выбралась из леса. Встретила людей. И что дальше?

В голове образовалась звенящая пустота, от острого чувства жалости к себе сдавило сердце, и я, закрыв лицо руками, заплакала. По-прежнему мне некуда идти, и я никому не нужна. И в этой чертовой дыре моя новая жизнь так и закончится, не успев начаться.

– Эй, ты чего? – спросил кто-то. – Пойдем к Рихарду, расскажешь, как ты нашла детей. Если устала, вон телега. Садись.

Я согласилась. В конце концов, может там найду какую работу, чтоб не помереть с голоду. Тут же перед глазами воз-

никла табличка: «Работаю за еду». Я опять всхлипнула и взобралась на убогий тарантас.

А в моем представлении средневековые барышни ездили или на карете, или верхом на лошади в элегантном дамском седле. Грейс и Коннор прижались ко мне с двух сторон, как воробышки, и мое сердце растаяло от умиления.

Мне бы тоже хотелось вот таких двух воробышков. Своих, конечно. Мужа, за которым, как за каменной стеной. Как тот красавчик из сна. Его образ намертво врезался в память. Может, он какой-то актер, что я так хорошо его запомнила?

За размышлениями я не заметила, как мы добрались до места. Оказалось, что отец этих малышей – хозяин приличного постоянного двора. Но, прежде, чем я познакомилась с ним, увидела настоящий концерт.

Едва телега въехала в ворота, на крыльцо выбежала мачеха детишек. Статная, можно даже сказать, красивая женщина средних лет. Одета была не в пример горожанкам, которых я видела, нарядно. Яркое-зеленое платье по низу расшитое узорами. На голове – кокетливый кружевной чепчик. А на лице – явное присутствие если не косметики в привычном понимании, то каких-нибудь растительных аналогов точно.

– О Боги! – истерично закричала она. – Мои крошки ненаглядные! Я все глаза выплакала!

Она кинулась обнимать детей, но актриса из нее была отвлеченная. Ни слез радости, ни облегчения на ее лице не было и следа.

Грейс спряталась мне за спину, а Коннор вырвался из цепких лап этой чернобровой куницы и помчался к крыльцу.

Выскочивший из помещения отец подхватил его на руки и принялся целовать. Тут сразу было видно, что чувства настоящие. С Коннором на руках он подбежал к телеге и, усадив сына на край, прижал к себе Грейс.

Сцена была душераздирающая. По суровому лицу мужчины текли настоящие слезы. Хотя по всему видно, что плакал он последний раз где-то в раннем детстве, когда получил ремня за шкоду.

– Рихард, какое счастье! Они нашлись! – мачеха малышей кинулась на шею мужу. – Я тебе говорила, что все в порядке будет! Я говорила!

– Подожди, Эмма, – отстранил он жену. – Надо все выяснить!

– Что выяснять! Дети голодные, еле на ногах держатся! Вот придут в себя, отоспятся, тогда и будешь выяснять.

Ага-ага. А ты подсыплешь в еду отравы и скажешь, что они, видно, еще в лесу ядовитых ягод наелись. Мне показалось, что и дети подумали о том же, потому что прижались к отцу еще крепче.

– Рихард. Эта девчонка вывела их из леса. Из той части, которая гиблой называется, – принялся объяснять один из сопровождавших нас мужчин.

– Что? – взревел папаша, очевидно, еще не пришедший в себя от радости. – Это она их туда завела?!

Да что ж за напасть-то?! То блудница, то злодейка, которая в лес детей завела! Я хотела открыть рот, чтоб сказать ему пару ласковых, но меня опередили.

– Папа, не кричи на Лиз! – заревела девчушка. Пережитый страх, радость от спасения и гнев на несправедливость собрались в гремучий коктейль. И тут до истерики недалеко.

– Грейс, детка, не плачь. Иди ко мне, – я погладила тонкую ручонку, и малышка, отлепившись от отца, прижалась ко мне.

Коннор, как старший, пояснил.

– Лиз спасла нас от волка. Развела костер и пожарила грибов. Потом всю дорогу несла Грейс, а я сам шел.

Переполненный гордостью мальчуган оглядел всех вокруг.

– А в лес нас завез дядя Говарда. Говард обещал отвезти нас на ярмарку, но только чтоб никто не знал.

– Это вранье. Мальчик все время у меня на глазах был. И он знает, что дальше лавки молочника заходить нельзя. Куда б он мог отвезти?! – как всполошившаяся курица, закудахтала Эмма.

Папаша, очевидно, еще не отошел от стресса, поэтому посмотрел на жену с недоумением. Я не выдержала.

– Ну так сходите к молочнику. Узнайте, с кем уехали дети. И был ли с ними Говард.

– Рихард, ты б это, девчонку покормил, что ли? У нее самой душа еле в теле. А мы пойдем разберемся, – предложил

худошавый, похожий на охотничьего пса, мужчина.

– Грета! – зычно крикнул отец малышей в открытое окно. – Быстро неси сюда пирог рыбный, куриные ножки и баклагу квасу.

Рихард, несмотря на крайнюю степень волнения, кажется, пришел к тем же выводам, что и я. И решил не откладывать расследование ни на минуту.

Запахавшаяся повариха вынесла корзинку с едой и поставила на телегу. От восхитительного запаха у меня едва не закружилась голова, а во рту собралось столько слюны, что я опасалась, как бы она не начала капать, как у голодного бульдога. А то еще и эти скажут, что я бесноватая.

– Ешьте, – скомандовал Рихард.

Моя рука уже дернулась, чтобы схватить лакомый кусочек, но я вовремя опомнилась. Не стоит привлекать внимание к тому, что я левша. Ведь реакция этих людей может быть непредсказуемая, судя по тому, что мне пришлось пережить за эти пару дней. Я сделала вид, что поправила чепчик и включила несостоявшегося педагога.

– Дети, я знаю, вы очень голодны, но сразу много нельзя. Только одну ножку и кусочек пирога. И давайте соревноваться – кто медленней съест свою порцию! Кто победит, тому открою страшную тайну.

Какую тайну открыть я еще не придумала, но убереечь детей от проблем с желудком, а то и от заворота кишок я обя-

зана. Да и самой было трудно удержаться, чтоб не накинуть-
ся на еду. Ведь я готова была проглотить эти соблазнитель-
ные куриные конечности с костями.

Рихард оценил мою хитрость и одобрительно кивнул.

Тактика сработала. Малыши растягивали, как могли, хотя представляю, как было трудно.

Не успели мы доестъ ароматные ножки и обсосать косточки, как доехали уже до лавки молочника. Свидетелей набралась целая куча. Мальчишка – посыльный точно описал мужика, представившегося дядей, а потом сказал, что недавно видел их с Эммой у церкви.

Сложить два плюс два труда не составило.

Злодейка надеялась, что в толчее рыночной площади никто внимания не обратит на телегу и трех ребятишек. Тем более, она рассчитывала, что когда найдут бездыханные, а то и обглоданные тела пасынка и падчерицы, даже свидетели забудут, что видели. Тем более они поехали совсем в другую сторону от той, в которой малыши оказались.

Парнишка уверенно показал рукой туда, где находилась столица этого абсурдного государства. С чудным названием Предаторн. Насколько я знаю английский, это слово означает «хищник», без «н», и в название города его брать – ну такое себе...

Стоп. А на каком языке тут вообще говорят? И почему я не ощущаю языкового барьера? Что это не Россия, понятно даже по именам. Очень странно... Чтоб не сломать себе моз-

ги, я решила отложить на потом размышления на эту тему. Тем более, что Рихард меня отвлек.

– Лиз, я должен тебя отблагодарить. Я не знаю, что со мной было б, если б не ты. Тебя, небось, родные обыскались? Раз сама в лесу заблудилась, – голос его звучал глухо, лицо будто закаменело, а взгляд напоминала взгляд побитой собаки. Еще бы! Жить с женщиной, доверить ей своих детей и получить такое!

Я покачала головой. Опять мои нервы превратились в натянутые струны, которые звенят от малейшего прикосновения.

– Я сирота. И у меня много других проблем, – тихо сказала я, чтоб информация не дошла до чужих ушей.

– Ну переночуешь у нас. Отдохнешь. И за детьми примотришь. Боюсь на минуту теперь оставлять. А завтра пойдешь, куда тебе надо, – Рихард, суровый сильный мужик, просительно заглядывал мне в глаза.

Набивать себе цену и говорить, что прямо не знаю, как и быть, я не стала.

К тому же я была просто счастлива хоть на одну ночь получить крышу над головой.

– Хорошо, я согласна.

Малышня, изо всех сил растягивающая трапезу, возликовала.

– Лиз, оставайся с нами! – дружно воскликнули они, несмотря на то, что от усталости у них закрывались глазки.

– Останусь, – заверила я. – От вкусной еды и чувства безопасности меня тоже клонило в сон. Но впереди разборки с Эммой. И что-то мне подсказывало, что уклониться от участия в этом не получится. Ведь я свидетель, и должна подтвердить, что дети были найдены в лесу и им угрожала опасность.

Поэтому я проморгалась и настроилась на неприятности. И они не замедлили нарисоваться. Рихард на обратном пути забрал из храма священника, чтоб подать прошение о расторжении брака.

На мое счастье, тот оказался милым старичком, который закрыл глаза на отсутствие метрики у свидетельницы. Сгорая со стыда, я опять соврала, что отстала от родственников, а все мои вещи и метрика у них.

Очевидно, чудовищность поступка Эммы так потрясла старичка, что он даже не стал допытываться, чего меня занесло в лес, если путь лежал к городу, а не в чащобу. Он одарил меня своей милостью – помахал крестом перед носом и благословил.

Зато Эмма стала моим личным врагом. Рихард, заручившись поддержкой церкви, выгнал жену из дома. Подбирая свои шмотки, которые вылетали из личных покоев супругов, она орала, что ненавидит меня и что я еще глубоко пожалею, что появилась на этом свете.

Я усмехнулась. Испугала кота сосиской! Да я только и делаю, что жалею о своем непродуманном желании и появле-

нии на этом конкретном свете! Каждую минутку, свободную от вытаскивания себя из всяких неурядиц, которые щедро сыпятся на мою голову!

Да лучше б я сейчас ночевала в подсобке в кафе и расправляла душевные раны, чем вот это все!

Усевшись на обочине на свои корзины и узелки, она, наверно, решила дожидаться первого, кто согласился бы ее довезти. Несмотря на то, что она оказалась такой же беглянкой, как и я, даже капли сочувствия я не нашла в себе. Вообще за такое прибить надо! Или на крайний случай, в тюрьму посадить. Меня вон ни за что на веревку привязали!

– Лиз, пойдем в дом, – позвал меня Рихард, давая понять всем остальным, что концерт окончен.

Постоялый двор «У Рихарда» был вполне приличным заведением. Забыв об усталости и страхах, я с любопытством рассматривала помещение. На первом этаже располагался обеденный зал и кухня. Каменные стены украшены гравюрами со сценами охоты и канделябрами. В небольших проемах для окон – настоящие витражи. Насколько я понимаю, удовольствие не из дешевых... Но возможно, именно они и создавали атмосферу настоящего замка, а не дешевой забегаловки. Прочные деревянные столы были идеально чистыми, что тоже шло большим плюсом.

На втором находились личные комнаты владельца и «номера» для постояльцев. Один из них Рихард любезно и предоставил мне.

– Вот, Лиз, располагайся, – он махнул рукой, приглашая войти. – Если спустишься по другой лестнице – попадешь в хозяйственную часть. Там ванная комната. Всегда горячая вода есть.

Хозяин говорил коротко, скупно, будто боясь, что его заподозрят в излишней любезности.

– Я попозже зайду. Еды принесут тебе.

Глава 10

Горячая вода! Батюшки –святые! Да я готова была и без еды остаться, лишь бы иметь возможность смыть с себя пыль приключений! И чего греха таить – лечь в чистую постель.

Ванная комната – это совсем не то, что я представляла себе. Каменный пол, а в углу прикрытый решеткой водосток. Большой котел горячей воды с тяжелой крышкой и несколько бочек с холодной. Деревянная лавка с деревянным ведром. Очевидно, в нем-то и надо смешать воду и ковшиком поливать себя, как капусту на грядке.

Еще один минус – у меня не было с собой ни мыла, ни мочалки, не говоря уже о геле для душа. Но ... пользуемся тем, что имеем.

Не думая, есть ли тут лимит, я с наслаждением подставляла свое тело под теплые струи и готова уже было сказать – жизнь удалась, как завизжала от страха.

Массивная дубовая дверь отворилась, и на пороге появилась ...чтоб тебя! Принц! Тот самый, который являлся мне в сновидениях. Черт! Черт! Но не так же! Не помня себя, я схватила простыню, лежавшую на лавке и замоталась в нее, как тутовый шелкопряд в свою нить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.